

"ПЕРЕД ИСТОРИКОМ В НЕОЖИДАННОМ СВЕТЕ ПРЕДСТАЕТ..."
 Называя покровительницу Истории музой, древние, безусловно, имели в виду, что она, т.е. История - одно из Искусств. И действительно, разве не были Геродот и Фукидид, Плутарх и Плиний, Соловьев и Ключевский великолепными художниками - не только слова, но и чего-то еще, чему нынче не просто отыскать точное наименование - может быть, исторической мысли?.. И разве не Моммзен получил уже в нашем веке Нобелевскую премию по литературе?..
 Правда, читая многих современных историков, в том числе, и безусловно выдающихся, обо всем этом невольно забываешь: за сухим треском цифр, дат и фактов, за грохотом имен и скрипом подробностей искусство куда-то исчезает. И может быть, именно поэтому сегодня Клио стали называть своей музой уже не историки, а писатели, художники, музыканты, для которых осмысление прошлого стало главной темой творчества, подлинным источником их вдохновения.
 Напомнил нам ее имя замечательный современный поэт, более известный широкому читателю пока как переводчик американской поэзии - Т.Элиота, Э.Мастерса, Р.Фроста - Андрей Сергеев. Он откровенно признался: "Моя муза - Клио. Я ведь даже книги у себя дома расставляю не по алфавиту или по тематике, а по хронологии их выпуска. И все, что пишу, считаю безусловно историческими сочинениями..."
 И действительно, все творчество А.Сергеева, а в особенности, его не опубликованная пока книжечка небольших рассказов "Изгнание бесов", пронизаны духом истории. Сказывается тут, конечно, и одно из главных увлечений писателя - античная нумизматика, которой он занимается вполне профессионально; но в его "рассказках" интереснее не исследовательская точность -

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВ "РАССКАЗИКИ"

этого тут как раз нет и в помине, имена, даты и события перемешаны самым невероятным образом - а царящий (по-другому не скажешь!) в этих самых рассказах дух истории, ее аромат. А "путаница" - конечно же, не от незнания отечественной истории, а именно от прекрасного владения материалом, который, однако, А.Сергеев как писателя и историка не вполне устраивает. Тут-то и приходит на помощь фантазия и талант, которых А.Сергееву, переведшему на русский Элиота, не занимать. Это, наконец-то, поняли издатели, наперебой выпускающие стихи и прозу А.Сергеева в последние два года: "Новый мир", "Огонек", Новое литературное обозрение, рижский "Родник"...
 Кто-то из специалистов, прочтя лукавые сергеевские рассказы, возможно, похмет недоуменно плечами: что, мол, тут особенного, обыкновенная выдумка. Мы думаем иначе: за каждой вымышленной историей, рассказанной писателем с неслучайной долей иронии, стоит неожиданный взгляд на привычные, для кого-то даже хрестоматийные вещи. И очень важно еще, что этот взгляд - от нас, из сегодня, отчего и направлены все эти "анекдотцы" своим острием (жалом?) в наше время, непосредственно на нас с вами. А автор стоит где-то между прошлым и настоящим и улыбается нам загадочной улыбкой (переведенного с любимого им английского) Чеширского кота: "Хе-хе, дружок, не так-то тут все просто, как, может быть, тебе кажется..." Или, говоря уже словами самого А.Сергеева, прекрасно умеющего стилизовать свою речь под язык изображаемой эпохи, "перед историком в неожиданном свете предстает..." "Что, вы спросите? - да все на свете, все прописные истины!"
 Ю.Орлицкий

СЦЕНА ИЗ РЫЦАРСКИХ ВРЕМЕН

- Мир тебе, крестоносный брат мой, ты кто, подыми забрало, я - неустрашимый Кранк фон Бубнов, истребитель неверных!
 - Хвала святому Евстафию! Я - благородный Мауэрпронин, мир и тебе, брат мой!
 - Святой Урсуле угодно, чтобы мы с тобой пировали над Везером под той осиной.
 - Я три года, три месяца и три дня, как из Святой Земли, переметные сумы мои пусты.
 - Не беда, мои распрягает.
 - Слава святому Детлефу!
 (Садятся и пируют. Бубнов продолжает):
 - Еще когда я в пажак ходил, понял, что для борьбы с неверными незачем ехать на край света, их тут не меньше, а даже больше, не далее, как вчера я ворвался в табор одного манихеца из тех, которые, знаешь, коней лечат, коней куют, коней крадут, и - князь мой Прекрасной Дамой - я рассек его на две равные половины, а его жена - она так визжала - она пригласила мне более, чем один раз, - постой, что с тобой?
 (Мауэрпронин спешно расстегивает гульфик).
 - Ты что, дал обет безбрачия?
 - Я поклялся моей Прекрасной Даме не прикасаться ни к одной женщине. Сарацинки не в счет.
 (Голос его дрожит).
 - Я ведь три года, три месяца и три дня, как из Палестины...
 - Осторожно, брат мой, не забрызгай доспехи, а то на этом проклятом железе пятна такие будут, что тимфеевой травой в Иванову ночь не сведешь.
 1960

ПОЛЕМИКА

1.
 Свершилось. Политика наведения мостов дает плоды. Анонимное стихотворение, тайно вывезенное из России, носит на себе несомненное влияние Сен-Джон Перса. Судите сами (перевод мой):
 О новые мои приюты
 Отдохновения
 Под кроной клена,
 Роняющей решетчатую тень!
 Цивилизованный мир с нетерпением ждет русских стихотворений, написанных под влиянием Сюрпервеля, Элюара или Ота.
 Граф Тиглат Де Палассар,
 бывший борец за мир.
 II.

Мы действительно располагаем уникальным свидетельством пробуждения русской культуры. Неизвестный автор (Евтушенко? Галансков? Бродский?) жедно высмеивает бюрократа, восхищающегося новыми служебными апартаментами. В подтексте, по-видимому, надо видеть намек на жестокий жилищный кризис в Советской России. Мне приходится дать стихотворение в своем переводе, ибо палассаровский перевод основан на неверном понимании русского слова, означающего "коридор" или, точнее, "вестибюль". Исходя из общей авторской концепции, я и избрал второй из синонимов:

О вестибюль,
 Мой новый вестибюль,
 Отделанный кленовыми панелями
 С решетчатым узором!
 Как видите, стихотворение вполне оригинальное, и никакой речи о западных влияниях здесь быть не может.
 Д-р Говард Пакли,
 Беркли, Калифорния.

III.
 Анонимность этого примечательного стихотворения неслучайна и попытки его атрибуции ни к чему не приведут. Лексический пласт (?), характер повторов и ритмическая канва неопровержимо свидетельствуют о том, что перед нами народная песня, песня народа, вынужденного молчать. Несчастливая мать поет о страшной судьбе, ожидающей ее сыновей:
 О сыночки мои,
 Новорожденные,
 Оба Семена,
 Стройных, как клен,
 А ждет вас решетка.
 О мертвящий стандарт советской действительности, заставляющей родителей называть близнецов одним именем!
 Проф. Теннисон Гомер,
 Принстон.

IV.
 Чтоб вы так это знали, как нам этого не переживать! Профессор Гомер мало смыслит, о чем пишет. Но где иметь смысл лакею Белого дома? Это старинная песня, во всяком случае, до Октября, и говорит она за черту оседлости. Или, может, Гомер видел русских Семенов? И не решетка тут, а царская Россия, тюрьма народов. Я не переводчик, но я поправил, что натворил этот Гомер:
 Ой сыночки мои, ой сыночки,
 Ой новые, только что родившиеся,
 Ой Семенчики-кленчики,
 Не будет вам житья при царизме.
 Гомер такой ученый, а не заметил, что вторая с конца строчка в рифму!
 Спенсер Копейкер,
 известный американский публицист,
 Гавана.

V.
 Стихотворение (песня) поступило на Запад в трудночитаемой машинописной копии, что и вызвало его неверное истолкование и перевод. В современном русском языке нет слова "сени", в анализируемом тексте речь идет не о мифических "сенях", но о вполне реальных "санях", примитивном зимнем экипаже, характерном для русских пространств. Видимо, это чувствовали уважаемые переводчики, из которых ни один (!) не отважился опубликовать перевод параллельно с оригиналом, чего настоятельно требует научная добросовестность.
 Ах вы, сени, мои сени,
 Сени новые мои,
 Сени новые, кленовые,
 Решетчатые!

Ах вы, сани, мои сани,
 Сани новые мои,
 Сани новые, кленовые,
 Решетка на окне!
 В своем переводе я попытался с максимальной точностью воспроизвести метр и ритм оригинала.
 Грэхем Баранов,
 эксперт по русским делам,
 Рэнд Корпорейшн,
 1967.

ПУШКИН

Не помню, в тридцать третьем или четвертом году прибегает ко мне Платон Измайлович и говорит, что в город приехал Пушкин, остановился в "Вязьме" и просит всех дворян с ним отужинать. Я заложил тарантас и отправился сказать Кучкиным и Авсеенкам. Вечером приходим в "Вязьму" и видим: точно Пушкин, ростом невысок, сутул, волос - как смоль: арап. Нос тоже длинный. На литографиях благообразней. Тут же градоначальник и полицеймейстер. Только я зашел, Орест Кондратьевич отводит меня в сторону и советуется, как быть. С одной стороны, Пушкин - сочинитель и вольтерьянец, с другой - монаршими милостями осыпан. А Пушкин, бестия, словно догадался и громко так объявляет, что государь пожаловал ему чин выше губернаторского. Тогда Орест Кондратьевич приглашает общество к себе и задает бал-импровптю. Славный бал вышел! Пушкин, когда не ел, наизусть "Евгения Онегина" декламировал, а под конец даже сплясал казачка. Наутро укатил восвояси.
 Прошло лет десять, Пушкина уже убили, я и рассказал эту историю петербургскому племяннику. Представьте, мальчишка поднял меня на смех. Говорит, что это не Пушкин, а Гоголь.
 1968

НОВЫЙ КОЛУМБ

Сионист Круэнштейн под российским флагом искал Землю Обетованную, но открыл Южный Полюс.
 1985

ТЕЛЕФИКАЦИЯ

1. На Алтае.

... знатный пантократор Шукшинского мараловедческого совхоза им.Ленина. В избе - как в Москве: огославская стенка, холодильник "Розенлев", цветной телевизор.
 Слово за слово, договорились до темноты.
 - Иван Касьяныч, по московскому двадцать один ноль-ноль. Посмотрим программу "Время"?
 - Никак нельзя. - Хозин огладил обширную толстовскую бороду. - Это никак нельзя. У нас электричество запланировано в семнадцатой пятилетке.

II. В Якутии.

Со снабжением лучше. Завезли на стойбище керосин. Народ у нас легкомысленный - жже-от! Председатель каждый вечер бегае из чума в чум, разговаривает:
 - И как вас от телевизоров оторвать? Потом скажете, давай керосин, а где я второй керосин возьму?
 Нигде не возьмёт. А зимой на стойбище скучна-а-а-а. А телевизор - штука прожорливая. Мой "Рекорд" потребляет в час литр. У Орехоева цветной - три литра. Председатель нервничает:
 - Орехоев, от человек... Из телевизора воронку не вынимает. Хоть пробкой заткни - испаряется, однако...
 1986

РАССКАЗ

для подрыва и дискредитации выслать в подозрительные точки за рубежом сто тысяч фотографических портретов Калинина с четкой печатной подписью: ТРОЦКИЙ.
 1986

ФАМИЛИЯ

Был один молодой Рабинович, родственник бесчисленных Рабиновичей. В гражданскую войну он по лихости нрава вышел в красные командиры. И решил, что фамилия Рабинович для него слишком простая. Поэт-красноармеец Лебедев-Кумач сочинил ему фамилию Врагбур, то есть, Враг Буржуев.
 В тридцать седьмом году, когда искали врагов, его родственники, бесчисленные Рабиновичи, в основном, уцелели. Привлекла же внимание фамилия Враг и т.д.
 - Выходит дело, вы утверждаете, что враг бур, а не бел и не черен - так что ли?
 Он рассказал как есть:
 - И поэт-орденоносец Лебедев-Кумач может подтвердить.
 К арестованному применили методы, и он изменил показания. Как тогда было принято, на семнадцать лет.
 Я не выдумал эту историю. На дорожке в Малеевке ее рассказал кандидат тех. наук Рабинович. Я слушал вполуха, так как в это время Бен Сарнов рассказывал что-то более интересное. Поэтому, к сожалению, я не усвоил, чем кончилось дело, когда героя гражданской войны выпустили. Что в нем взяло верх, природная лихость или благоприобретенная осмотрительность? Кто он теперь, по-прежнему Врагбур или еще более по-прежнему Рабинович?
 1986

ГОЛОДНАЯ СТЕПЬ

Рыскул принес в аул весть про болезнь богачей: запор.

Вар:
 Рыскул
 принес
 в аул
 весть
 про болезнь
 богачей:
 запор.
 1987